

**Проблема формирования общенациональной идентичности в условиях
этнокультурного разнообразия Афганистана**

Замзама Хабибзада

«Независимый исследователь»

Кабул, Афганистан

e-mail: fridsshhh@gmail.com

**The problem of forming a national identity under the conditions of Afghanistan's
ethnocultural diversity**

Habibzada Zamzama

«Independent researcher»

Kabul, Afghanistan

Аннотация. В фокусе данного исследования — парадоксальная роль этнокультурного многообразия как ключевого вызова и потенциального ресурса для формирования национальной идентичности в Афганистане. Цель работы — преодолеть детерминистские трактовки и показать, что влияние многообразия на государственное строительство опосредуется политическими институтами. На примере анализа различных исторических периодов (модернизация XX века, советская эпоха, правление талибов, республиканский эксперимент 2001–2021 гг.) автор выявляет две противоположные модели: эксклюзивную, ведущую к фрагментации и конфликту, и инклузивную, направленную на интеграцию. На основе теоретической рамки, объединяющей подходы конструктивизма и сравнительной политологии, доказывается, что провалы в построении нации были обусловлены не наличием различий, а системной дискриминацией, монополизацией власти одной группой и отсутствием механизмов справедливого представительства. Ключевой вывод статьи заключается в том, что этническое многообразие является не «проблемой», которую необходимо «решить», а динамическим социальным фактом. Успешное национальное строительство в Афганистане в будущем потребует перехода от жесткой централизации к гибкой модели управления, которая институционализирует многообразие и превращает его в основу общегражданской солидарности.

Ключевые слова: Афганистан, национальная идентичность, национальное строительство, этническое разнообразие, инклюзивность.

Abstract: This article is devoted to a comprehensive analysis of the role of ethno-cultural diversity as a factor of nation-building in Afghanistan. The author challenges simplified approaches that view polyethnicity solely as a source of conflict or, conversely, as an inherent resource. The research methodology combines a historical analysis of key periods (from the reign of Zahir Shah to the 2001–2021 republic) with the theoretical framework of constructivism. It is demonstrated that the impact of ethnic diversity depends on the political context: repressive and exclusive regimes (the Taliban, the Soviet era) turned it into a source of fragmentation, while attempts at inclusive governance (the 1964 Constitution, the Bonn Process) revealed its integrative potential. The main conclusion is that the future sustainability of Afghan statehood is impossible without the development of flexible institutional mechanisms that recognize and manage diversity, rather than suppress it.

Keywords: Afghanistan, national identity, nation-building, ethnic diversity, multiculturalism, inclusivity.

Вступление

Афганистан представляет собой уникальное полигетническое государство, в котором исторически сосуществуют разнообразные этнические, религиозные и культурные общности.

Многообразие афганского общества формировалось на протяжении веков под влиянием различных цивилизаций, империй и политических проектов, что придает особую сложность процессам построения национальной идентичности.

Со времени образования современного афганского государства в XVIII веке центральной задачей правящих элит было создание устойчивой модели национального единства, призванной обеспечить политическую стабильность и территориальную целостность. Однако полигетническая структура общества и отсутствие длительной традиции централизованного государственного управления сделали эту задачу крайне сложной и противоречивой.

Актуальность данного исследования обусловлена многочисленными попытками афганских политических элит в разные исторические периоды сформировать концепцию общей национальной идентичности, нацеленную на объединение различных этнических сообществ в единую политическую и культурную общность. При этом подходы и инструменты, применяющиеся для достижения данной цели, варьировались в зависимости от конкретной политической эпохи. Так, в первой половине XX века государственная политика ориентировалась на модернизационные реформы и продвижение пуштунского языка в качестве государственного. В эпоху просоветского режима акцент сместился на идею социалистической идентичности и интернационализма. После отстранения от власти правительства талибов в 2001 году предпринимались попытки выработки более инклюзивных механизмов представительства, однако они также столкнулись с устойчивыми барьерами.

Несмотря на разнообразие подходов — от языковой политики и привлечения религиозных институтов до использования средств массовой информации и реформирования систем образования — эти усилия не привели к устойчивой консолидации афганского общества. Более того, институциональная слабость государства и постоянная конкуренция внутри политической элиты способствовали фрагментации и углублению противоречий между различными этническими группами. В результате государственные институты так и не обрели способность обеспечивать долгосрочную политическую стабильность, а проблема национальной идентичности приобрела особую остроту.

Важной составляющей анализа является рост этнополитической мобилизации среди непуштунского населения, интенсифицировавшийся в последние два десятилетия. Этот процесс стал формой сопротивления попыткам культурного доминирования и политического контроля со стороны центральной власти. Усиление этнического самосознания таджиков, хазарейцев, узбеков и других сообществ не только углубило социально-политические противоречия, но и привело к формированию новых форм этнокультурной солидарности и политической активности. Таким образом, этнокультурное многообразие в современном Афганистане нельзя рассматривать исключительно как фон политических процессов — оно является ключевым фактором, определяющим динамику развития афганской государственности.

Следует отметить, что проблема национальной идентичности Афганистана занимает важное место в академических исследованиях. В историографии можно

выделить не менее трех подходов к ее анализу. В рамках примордиалистской парадигмы этнические различия воспринимаются как неизменный фактор, препятствующий формированию общенациональной идентичности. Конструктивистский подход рассматривает идентичность как социальный конструкт, формирующийся в зависимости от политического контекста и практик элит. Наконец, инструменталистский подход подчеркивает манипулятивный характер использования этнических различий как ресурса в политической борьбе.

Несмотря на значительное количество работ, посвящённых данной проблеме, остается малоизученным вопрос о том, каким образом этнокультурное многообразие может не только препятствовать, но и способствовать формированию инклюзивной национальной идентичности. Таким образом, исследование этнокультурных факторов в афганском контексте имеет не только региональное, но и общее теоретическое значение. Оно позволяет рассматривать Афганистан как своеобразную лабораторию для изучения процессов национального строительства в полиэтнических обществах, где традиции, религиозные институты и политическая конкуренция переплетаются с современными вызовами глобализации и внешнего вмешательства.

Цель данной статьи заключается в комплексном анализе влияния этнокультурного многообразия на процессы формирования общенациональной идентичности в Афганистане. В рамках исследования предполагается ответить на следующие вопросы: является ли этнокультурное разнообразие главным препятствием на пути к созданию единой идентичности, или же оно может рассматриваться как ресурс для построения инклюзивного и интегрированного национального сообщества? Насколько возможности формирования национальной идентичности зависят от политической воли элит, и в какой мере они ограничены социальными и культурными структурами? Ответ на эти вопросы позволит не только глубже понять специфику афганского общества, но и внести вклад в более широкую дискуссию о национальной идентичности в полиэтнических государствах.

Этнодемографическая мозаика Афганистана: основные группы и географическое распределение

Афганистан характеризуется не только полиэтническим составом, но и уникальным географическим положением на перекрестке Ближнего Востока,

Центральной и Южной Азии. Такое стратегическое расположение обусловило формирование сложного этногенеза, в процессе которого взаимодействие и пересечение различных этнических групп происходило на протяжении многих веков (Р. Махмадшоев, 2017).

Глубокое понимание сходств и различий между этническими общностями Афганистана позволяет проанализировать, в какой степени формирование общенациональной идентичности в историко-культурном контексте способствовало нивелированию либо, напротив, эскалации межэтнических противоречий.

Этническая структура страны отличается значительным разнообразием, к числу крупнейших групп относятся пуштуны, таджики, хазарейцы и узбеки.

Пуштуны традиционно занимают доминирующее положение в этнической иерархии Афганистана. По различным оценкам, их доля в населении страны составляет от 47% до 50%. Отсутствие точных демографических данных связано с длительным периодом, прошедшим с момента последней переписи, а также высокой динамичностью демографических процессов (рождаемости, смертности и миграции). Основные ареалы расселения пуштунов расположены на юге и востоке страны, в частности, в провинциях Кандагар и Нангархар. Значительная пуштунская диаспора исторически проживает также в приграничных районах Пакистана. Примечательно, что, вопреки распространенному стереотипу, пуштуны не составляют абсолютного большинства населения Кабула, уступая по численности другим этническим группам.

Таджики являются второй по численности этнической группой в Афганистане, составляя, по разным оценкам, от 27% до 30% населения (таджики в Афганистане). Их расселение сосредоточено преимущественно в северных и северо-восточных провинциях, таких как Балх, Тахар, Бадахшан, а также в районах, прилегающих к долине реки Амударья. Кроме того, таджики формируют значительную долю населения Кабула. Считаясь одним из автохтонных народов Афганистана, таджики используют в качестве родного языка дари — один из основных диалектов персидского языка, который выполняет в стране функцию лингва франка, обеспечивая межэтническую коммуникацию. Подавляющее большинство таджиков (примерно 87%) исповедуют ислам суннитского толка, хотя также существуют немногочисленные шиитские общины.

Хазарейцы, численность которых оценивается приблизительно в 3 млн человек, исторически компактно проживают в центральном регионе страны, известном как Хазараджат. Хазарейцы используют язык хазараги — диалект персидского языка, для которого характерны уникальные фонетические и лексические особенности. Хазарейцы в основном исповедуют ислам шиитского толка (джафаритский мазхаб) и формируют крупнейшую шиитскую общину в Афганистане, что делает их ключевым элементом религиозно-этнической мозаики страны.

Узбеки, составляющие порядка 9–11% населения Афганистана, проживают преимущественно в северных провинциях — Балх, Фаръяб, Джузджан и Сари-Пуль, которые прилегают к границе с Узбекистаном. Их язык относится к тюркской группе и представляет собой один из диалектов узбекского языка. Подавляющее большинство узбеков — мусульмане-сунниты ханафитского мазхаба.

Помимо перечисленных крупных общин, в Афганистане присутствует множество меньшинств, таких как аймаки, белуджи, туркмены, нуристанцы, пашаи и другие. Лингвистическое разнообразие страны, где насчитывается свыше 40 языков и диалектов, подчеркивает её статус как многоязычного и мультикультурного государства.

Подобное этнокультурное многообразие представляет собой как огромный потенциал, так и серьезный вызов для консолидации афганской нации и формирования единой национальной идентичности. Признание и уважение этого многообразия выступают необходимым условием для устойчивого развития общества и снижения уровня межэтнической напряженности.

Теоретико-методологические основания анализа национальной идентичности: парадигмы и концепты

Национальная и этническая идентичность, являясь ключевыми концептами для анализа социально-политического устройства обществ и государств, требуют глубокого теоретического осмысливания через призму фундаментальных категорий «идентичность», «нация» и «этнос».

Термин «идентичность» (от лат. «identicus» — «тождественный», «отождествление») в современном социально-гуманитарном знании приобрел широкое значение, описывающее процессы социального и индивидуального самоопределения.

Значительный вклад в разработку данной категории внес Э. Эриксон, который концептуализировал идентичность как психосоциальный комплекс, включающий осознание индивидом своей сущности и культурной принадлежности. Он предложил дихотомию личностной (индивидуальной) и коллективной идентичности (Эриксон, 1968). К последней относятся национальная и этническая идентичности, формирующие у индивида чувство принадлежности к определенной социальной группе.

Понятие «нация» (от лат. «*natio*» — «племя», «народ») в научной литературе трактуется как исторически сложившаяся устойчивая общность людей, характеризующаяся единством территории, экономической жизни, языка, культурных особенностей и общей исторической судьбы. В теоретических подходах к изучению нации традиционно выделяются два основных направления: гражданско-политическое и этнокультурное. Сторонники первого (Э. Ренан, Э. Геллер) акцентируют добровольный гражданский контракт, общность политических институтов и разделяемых правовых норм, где лояльность государству является основой идентичности. Сторонники второго (Й.Г. Гердер, в определенной степени — Э. Смит) делают акцент на общности происхождения, «крови и почвы», языка, культуры и исторической памяти как фундаменте национального единства. Важное место в этом дискурсе занимает конструктивистский подход, наиболее ярко выраженный в работе Б. Андерсона, который определил нации как «воображаемые сообщества» (Андерсон, 1983), члены которого мыслят себя частью целого, даже не будучи лично знакомы. Этот подход подчеркивает, что нации и национальная идентичность являются социальными конструктами, возникающими в результате целенаправленной деятельности элит, распространения печати и развития капитализма.

Категория «этнос» (от греч. «*ethnos*» — «народ», «племя») в антропологии и социологии обозначает устойчивую социальную группу, члены которой разделяют общее название, миф о происхождении, историческую память, элементы культуры, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности. В отличие от нации, которая имплицитно предполагает стремление к политическому суверенитету или его обладанию (государственности), этнические группы могут не обладать собственной политической организацией и существовать в качестве субнациональных общностей в рамках полиглотовых государств.

Этническая и национальная идентичности находятся в сложной диалектической взаимосвязи. Национальная идентичность, как правило, обладает более широким

интегративным потенциалом, поскольку связана с принадлежностью к политico-территориальному сообществу (государству-нации) и может объединять носителей разных этнических идентичностей. В свою очередь, этническая идентичность часто служит культурно-историческим фундаментом, одним из ключевых элементов, на основе которых конструируется более широкая национальная идентичность и формируется национальное самосознание.

Вместе с тем, значительное этнокультурное разнообразие, характерное для полигетнических обществ, зачастую осложняет и замедляет процессы консолидации единой национальной идентичности. Высокая степень этнокультурной, языковой и конфессиональной гетерогенности формирует сложный социальный ландшафт, в котором проекты по конструированию общегражданской идентичности и чувства общего «Мы» сталкиваются с конкурентным влиянием узкогрупповых (партикулярных) идентичностей и внутренними противоречиями. Это может приводить к фрагментации общественного сознания, эскалации конфликтов на почве идентичности и маргинализации отдельных групп. В подобных условиях формирование прочной и инклюзивной национальной идентичности представляет собой серьезнейший вызов для любого государства, ответом на который может стать выработка эффективных механизмов интеграции, нахождение баланса интересов и утверждение принципов уважения к многообразию (принципов мультикультурализма).

Анализ процессов формирования национальной идентичности осуществляется в рамках нескольких конкурирующих теоретических парадигм, каждая из которых предлагает уникальные аналитические перспективы.

Примордиалистская парадигма, ассоциирующаяся с именами К. Гирца и, в некоторых интерпретациях, Э. Шилза, постулирует этническую и национальную принадлежность как изначальную (примордиальную) (Гирц, 2004), укорененную в объективных биологических (кровное родство), культурных и исторических факторах. Данный подход рассматривает идентичность как данность, унаследованную из глубины веков. Сильной стороной примордиализма является акцент на устойчивости и силе этнических связей, их глубокой эмоциональной легитимности. В качестве основных недостатков критики указывают на его эссенциалистскую природу, детерминизм, неспособность адекватно объяснить изменения идентичности и игнорирование роли социально-политических конструктов.

Конструктивистская парадигма, наиболее ярко выраженная в работах Б. Андерсона («воображаемые сообщества») и Э. Геллнера, напротив, интерпретирует нации и национальную идентичность как социальные конструкты, возникшие в результате целенаправленной деятельности элит, распространения стандартизированного образования, печати, капитализма и других модернизационных процессов. Идентичность в рамках этого подхода понимается как динамичная, ситуативная и подверженная изменениям под влиянием дискурсивных практик и институтов. Это открывает возможности для модернизации и адаптации национальной идентичности. Основная претензия к конструктивизму заключается в предполагаемом релятивизме и недооценке дорациональной, аффективной силы примордиальных связей.

Инструменталистский подход (или теория рационального выбора) акцентирует политico-экономическую природу идентичности (Брасс, 1991). Он трактует этничность и нацию как податливые ресурсы (*malleable*), которые политические элиты сознательно инструментализируют для мобилизации масс, достижения власти, получения доступа к ресурсам и легитимации своего господства.

Сравнительный анализ процессов национального строительства в Центральной Азии наглядно демонстрирует различную эффективность действия конструктивистских механизмов в разных странах региона. Так, в Афганистане, для которого характерны крайняя этнополитическая фрагментированность, острое межэтническое соперничество и отсутствие длительных периодов устойчивой государственности, проекты по конструированию общеафганской идентичности исторически терпели неудачу. Конкуренция между мощными партикулярными идентичностями (пуштунской, таджикской, хазарейской) постоянно дезавуировала интеграционные усилия центральной власти. Таким образом, в афганском случае этнокультурное разнообразие стало не ресурсом, а скорее барьераом для консолидации нации. Напротив, в Таджикистане советский проект модернизации и национального строительства, несмотря на свою искусственность, привел к институционализации таджикской национальной идентичности. Последняя, пережив испытание гражданской войны 1990-х гг., продемонстрировала относительно высокий уровень устойчивости и способствовала постконфликтной консолидации общества, что свидетельствует об относительном успехе конструктивистских практик в этом конкретном случае.

Таким образом, для комплексного и глубокого понимания генезиса и трансформации национальной идентичности в полигэтнических обществах необходим синтетический подход. Такой подход должен интегрировать инсайты всех трех парадигм — признание силы примордиальных чувств (примордиализм), анализ механизмов социального конструирования (конструктивизм) и учет политической инструментализации идентичности (инструментализм) — в рамках тщательного изучения конкретного исторического и регионального контекста, который и определяет динамику, содержание и устойчивость идентификационных процессов.

Генезис и эволюция этнополитического противостояния в Афганистане

Межэтнические конфликты в Афганистане уходят корнями в глубокое историческое прошлое и отражают сложный характер взаимоотношений между основными этническими группами страны — пуштунами, таджиками, хазарейцами, узбеками и другими. Эти противоречия находили выражение в борьбе за политическую власть, контроль над территориями и ресурсами, а также в соперничестве за социальное влияние и доминирование.

Полигэтнический характер Афганистана, сформировавшийся на протяжении столетий под влиянием географических особенностей региона (его положения на перекрестке культурных и торговых путей) и череды исторических завоеваний, представлял собой основную структурную сложность для проектов национальной консолидации. Основы афганской государственности были заложены в XVIII веке в ходе экспансии Ахмад-шаха Дуррани, в империю которого вошли территории Южного Туркестана, Северного Хорасана и Хазараджата. Данное политическое образование, хотя и было основано на доминировании пуштунских племен, уже на раннем этапе столкнулось с необходимостью выстраивания отношений с покоренными немалочисленными неафганскими народами.

Однако целенаправленный процесс национального строительства начался значительно позднее — в XX веке, после обретения Афганистаном полной независимости по итогам Третьей англо-афганской войны (1919 г.). Именно с этого момента правящие элиты предприняли серию попыток по конструированию общеафганской идентичности, преодолевающей трайбализм и этнический партикуляризм.

Знаковым событием, катализирующим процесс национальной консолидации, стало объявление эмиром Амануллой-ханом о победе в войне и независимости страны. Этот акт способствовал кратковременному подъему «национального духа», даже среди диаспор за пределами страны. Опираясь на поддержку движения «младоафганцев», монарх инициировал комплекс амбициозных реформ, направленных на модернизацию и секуляризацию государства. Основным препятствием на этом пути признавались архаичные родоплеменные отношения и право «пуштунвали», подрывавшие монополию центральной власти и русгублявшие межэтническую конфронтацию.

В рамках военной реформы, начатой в 1919 году, была введена всеобщая воинская повинность. Эта мера преследовала двоякую цель: ослабить влияние племенных ополчений и создать лояльный центральному правительству институт, который мог бы стать «плавильным котлом» для формирования новой общенациональной идентичности, в том числе среди этнических меньшинств.

Ключевым шагом на пути к правовому государству и формированию гражданской нации стало принятие в 1923 году первой Конституции Афганистана. В ней впервые были провозглашены принципы гражданского равенства независимо от вероисповедания, национальности или этнической принадлежности. На практике это выразилось в создании более инклюзивного государственного аппарата: на высших должностях появилось представители национальных и этнических меньшинств, а назначения стали в большей степени определяться компетенциями, а не исключительно происхождением.

Важнейшую роль в процессе национальной интеграции сыграли образовательные реформы. Расширение сети светских государственных школ, в том числе в сельской местности, способствовало не только ликвидации безграмотности, но и росту политической активности в провинциях, формированию новых форм локального политического участия и распространению официальной государственной идеологии.

Радикальный характер реформ, бросавший вызов традиционным устоям, вызвал ожесточенное сопротивление со стороны консервативной части пуштунского общества, воспринявшей их как покушение на нормы «пуштунвали» и многовековые устои. Окончательный разрыв между модернизаторской элитой и традиционалистами произошел после длительной поездки Амануллы-хана по странам Запада и визита в Советский Союз. Привезенные им идеи легли в основу программы «Партии

независимости и обновления», одним из ключевых пунктов которой было целенаправленное «воспитание патриотизма и национального единства среди всего народа Афганистана». Эта попытка «сверху» имплантировать новую идентичность в конечном итоге спровоцировала мощный социальный отпор, приведший к падению режима Амануллы-хана и ознаменовавший первый, но крайне важный этап в сложном и противоречивом процессе афганского национального строительства.

Тем не менее, несмотря на ограниченный успех, реформы Амануллы-хана заложили определенные основы для формирования общеафганской идентичности. Приход к власти Надир-шаха, проводившего курс, откровенно враждебный по отношению к неафганским народам (И. Рейнер), вновь обострил межэтнические противоречия. Конфискация земель у таджиков, хазарейцев и других меньшинств с последующим расселением на этих территориях пуштунских племен стала точкой невозврата (Р. Абдуллоев, 2013), вызвав массовое недовольство и эскалацию межэтнических конфликтов. Надир-шах применял системные методы подавления национального самосознания немалочисленных народов: принудительные переселения, массовые аресты этнических лидеров и представителей интеллигенции, ограничение использования национальных языков и культурной автономии, усиление контроля над религиозными и племенными элитами, а также проведение жёстких пропагандистских кампаний. Эти меры способствовали углублению этнической поляризации и политической нестабильности, отбросив государство на консервативный путь развития и подорвав перспективы инклюзивного национального единства.

После убийства Надир-шаха власть в Афганистане временно сосредоточилась в руках его брата — Мухаммада Хашим-хана, который фактически управлял страной в качестве регента. В 19 лет новый король Захир-шах начал постепенно вовлекаться в политическую жизнь, со временем консолидировав власть в своих руках. Его правление (1933–1973) ознаменовалось попытками проведения умеренной политической и экономической модернизации. Ключевым событием этого периода стало принятие Конституции 1964 года, которая закрепила унитарный характер государства и утвердила ислам в качестве официальной религии. Признание языков пушту и дари государственными отражало этнолингвистическое многообразие Афганистана. Конституция заложила основы политической инклюзивности, учредив двухпалатный парламент: нижнюю палату — Волеси Джирга и верхнюю — Мешрано Джирга, призванные представлять интересы основных этнических и региональных

групп. Развитие образования и инфраструктуры, строительство первых современных школ и университетов способствовали формированию национально сознательной прослойки общества. Внешняя политика нейтралитета позволяла Афганистану балансировать между сверхдержавами (СССР и США), сохраняя относительную независимость.

Однако политическая либерализация сопровождалась ростом оппозиционных настроений. Свободная пресса, несмотря на цензуру, становилась площадкой для критики монархии и религиозных консерваторов. Студенческие протесты (Дюпри, 1973) середины 1960-х годов отражали требования молодежи к большим политическим свободам и ослаблению религиозного влияния. Жесткая реакция властей, включая разгон демонстраций и применение силы, усугубляла недовольство и политическую нестабильность. Частая смена премьер-министров и фрагментация парламента подрывали эффективность реформ и доверие населения к режиму. Захир-шах, несмотря на формальные преобразования, проявлял пассивность и нерешительность в проведении структурных реформ, стремясь сохранить власть династии и баланс между различными политическими силами (Коргун, 2004). Отказ от легализации политических партий внес дополнительный хаос, усилив неконтролируемую оппозицию и этнические противоречия. Эта политика значительно ослабила легитимность монархического режима и создала предпосылки для бескровного переворота 1973 года, в результате которого к власти пришел Мухаммад Дауд, свергнутый в результате просоветского коммунистического переворота в 1978 году.

Перед коммунистическим режимом Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) стояла задача радикального пересмотра национальной идентичности Афганистана. Опираясь на советскую модель социалистического государства, партия стремилась создать «социалистическую нацию», где этнические, религиозные и племенные связи уступали место идеологии классового единства и партийной лояльности. Как отмечает французский исследователь О. Рой, «советская модель национального строительства предполагала не интеграцию, а замену традиционных идентичностей новой, политически конструируемой общностью» (О. Рой, 2002). Советская поддержка играла ключевую роль в реализации этой задачи. Образовательные учреждения и СМИ выступали активными проводниками новой идеологии, стимулируя ликвидацию неграмотности и расширение доступа к образованию, особенно для женщин, тем самым трансформируя традиционную

структуре общества. НДПА проводила масштабную секуляризацию, разрушала традиционные племенные и религиозные институты и внедряла современные административные структуры. Особое внимание уделялось армии, рассматриваемой как инструмент формирования нового гражданского единства, объединяющего все этнические группы в рамках социалистической модели.

Однако внутрипартийные расколы между фракциями «Хальк» (преимущественно пуштунской) и «Парчам» (составившей из таджиков, узбеков, хазарейцев и других этнических меньшинств) существенно ослабляли единство партии и усугубляли этнические противоречия. Как справедливо замечает американский политолог Б. Р. Рубин, «раскол в НДПА отражал этнический раскол в афганском обществе, а не просто идеологические разногласия» (Б. Рубин, 1995). Центральная власть применяла репрессии для подавления этнических протестов и оппозиции, что лишь усиливало недоверие и сопротивление.

Вторжение Советского Союза в декабре 1979 года под предлогом поддержки легитимного правительства НДПА сопровождалось репрессиями, направленными на мобилизацию лояльности к государственным институтам. В то же время проводилась политика интеграции этнических меньшинств через просветительские программы, расширение официального двуязычия и пропаганду интернационализма. Однако, как отмечает российский востоковед А. Д. Давыдов, «советская политика культурной интеграции на практике часто игнорировала местные особенности и традиции, вызывая отторжение вместо лояльности» (А. Д. Давыдов, 1993). Советские войска не смогли ликвидировать эти противоречия: вооружённое сопротивление переросло в затяжную партизанскую войну, где моджахеды защищали локальные этнические и религиозные идентичности, выступая против коммунистического централизма.

К середине 1990-х годов, после вывода советских войск и падения режима НДПА, Афганистан погрузился в хаос межэтнической гражданской войны. Власть перешла к моджахедам, при этом конфликт приобрёл выраженный этнополитический характер, проявившийся в противостоянии пуштунов и остальных этнических групп. На фоне этого возникли радикальные движения, важнейшим из которых стало движение «Талибан».

Идеи талибов получили поддержку среди пуштунов, однако попытки привлечь другие этнические группы не увенчались успехом (А. Рашидов, 2000). Быстро

завоевывая влияние в южных провинциях (особенно в Кандагаре), к 1996 году «Талибан» установил контроль над большей частью страны, включая Кабул. Формирование национальной идентичности при талибах строилось на жёсткой религиозной идеологии, отвергающей светские и социалистические проекты. Восстановление шариата сопровождалось отменой конституционных положений о равенстве этнических групп, ограничением прав женщин (запрет на образование и работу, обязательное ношение паранджи). Государственные и военные посты занимали преимущественно пуштуны из Кандагара, демонстрируя этнический мононационализм режима. «Талибан» проводил политику подавления таджиков, хазарейцев и узбеков, что сопровождалось массовыми атаками, резнёй и разрушением культурных памятников на территории хазарейских районов. Эта политика привела к внутренним конфликтам и международной изоляции правительства талибов, которое признали лишь Пакистан, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и самопровозглашенная Чеченская Республика Ичкерия.

После свержения правительства талибов в результате американской военной интервенции в 2001 году центральной задачей для нового афганского правительства стало конструирование единой национальной идентичности и интеграция полиэтнического общества в общий политический проект. Процесс строительства нации изначально основывался на сложных компромиссах между этническими и региональными элитами. На Боннской конференции 2001 года было принято решение о создании Временной администрации, а в 2002 году — о созыве Лояя Джириги, традиционного собрания старейшин, призванного легитимизировать новый политический порядок. Как отмечает американский политолог Ф. Джуниор, «Боннское соглашение 2001 года заложило институциональные основы для мультиэтнического государства, но не смогло преодолеть глубинные структурные противоречия афганского общества».

Принятие Конституции в 2004 году стало формальным закреплением принципов многоэтнического государства. Документ провозгласил Афганистан исламской республикой с президентской формой правления, гарантировал равенство всех граждан независимо от этнической принадлежности и признал пушту и дари официальными языками при сохранении регионального статуса для языков узбеков, туркмен и других народов. Однако, как отмечает А. Суик, «конституционные нормы оставались скорее декларацией о намерениях, нежели реальной практикой управления многообразием».

Период правления Х. Карзая (2001–2014) характеризовался постоянным балансированием интересов основных этнических групп. Включение полевых командиров и региональных лидеров в правительство обеспечивало кратковременную стабильность, но не способствовало созданию институтов интеграции. Как отмечает Б. Р. Рубин, «политика Карзая сводилась к управлению этническими конфликтами через патронажные сети, а не к их институциональному разрешению». Межэтнические столкновения в Газни и Бамиане продолжались, а выборы 2009 года продемонстрировали нарастающую этнизацию политики, когда электоральная поддержка мобилизовывалась по принципу этнической принадлежности.

Правление А. Гани (2014–2021) усугубило существующие противоречия. Сложные выборы 2014 года выявили глубокий политический кризис, который был временно разрешен созданием правительства национального единства. Однако, как справедливо отмечает Т. Барафилд, «этот компромисс институционализировал этнический раскол вместо его преодоления» (Барфилд, 2010). Попытки Гани провести централизацию власти встретили сопротивление таджикских и узбекских элит, что вылилось в вооруженные столкновения в северных провинциях в 2017–2018 годах между правительственными силами и ополчениями, лояльными генералу А. Дустуму.

Неспособность государства обеспечить безопасность и политическую интеграцию стала очевидной в контексте усиления атак талибов, особенно на хазарейские деревни, что вызвало массовые протесты в 2019 году. По данным исследования К. Линча, «к 2020 году лишь 35% афганцев идентифицировали себя с общеафганской идентичностью, в то время как 58% продолжали считать своей идентичностью этническую или религиозную принадлежность».

Ключевыми причинами провала проекта национального строительства в Афганистане стали:

1. Сохранение этнического патронажа в государственных институтах
2. Отсутствие эффективной национальной идеологии
3. Иностранные вмешательство
4. Слабость государственных институтов
5. Постоянное вооруженное насилие

Таким образом, период 2001–2021 годов продемонстрировал, что формальное институциональное закрепление многоэтничности не привело к формированию устойчивой общегражданской идентичности. Как заключает немецкий исследователь К. Шефер, «Афганистан остался государством-архипелагом, где центральная власть существовала как надстройка над автономными этническими и региональными образованиями». Провал демократического эксперимента стал следствием неспособности преодолеть глубинные структурные противоречия между формальными институтами и неформальными практиками этнического управления.

Выводы

Этнокультурное многообразие представляет собой одну из наиболее значимых и одновременно проблемных характеристик афганского общества, оказывающую глубокое воздействие на динамику формирования национальной идентичности. Вопрос о том, выступает ли это разнообразие ресурсом для укрепления государственности или непреодолимым барьером на пути к национальному единству, остается предметом интенсивных научных и политических дискуссий. Историко-теоретический анализ позволяет утверждать, что ответ не является однозначным и детерминируется комплексом факторов, включая институциональный дизайн, модели управления конфликтами и стратегии этнополитической инклузии.

С одной стороны, этнокультурная гетерогенность Афганистана создавала предпосылки для социальной фрагментации и политической конкуренции, провоцируя конфликты и подрывая попытки консолидации нации. Данный тезис находит подтверждение в ряде исторических прецедентов. Система управления, основанная на этническом монополизме и привилегированном положении пуштунских групп, порождала устойчивое отчуждение среди таджиков, хазарейцев, узбеков и иных меньшинств. Репрессивная политика земельных конфискаций в эпоху Надир-шаха, а также советские методы силовой ассимиляции не только усугубляли межэтническое недоверие, но и способствовали радикализации настроений, приведшей к формированию вооружённых оппозиционных структур, таких как Северный альянс. Период правления талибов (1996–2001) наглядно продемонстрировал, как инструментализация этничности в целях установления политической гегемонии ведёт к системной дискrimинации, насилию и тотальной фрагментации социума.

С другой стороны, исторический опыт свидетельствует о том, что этнокультурное многообразие обладает значительным потенциалом как ресурс устойчивого развития и укрепления легитимности государства. В русле конструктивистского подхода (Б. Андерсон, Э. Геллнер) этнические различия не являются онтологически заданными, но формируются и трансформируются под воздействием политических институтов и дискурсивных практик. Инклюзивные стратегии, направленные на интеграцию символов, языков и исторического опыта различных общин, способны заложить основы общегражданской идентичности. Например, в период правления Захир-шаха Конституция 1964 года и создание двухпалатного парламента предоставили формальные механизмы для этнического представительства и снижения напряжённости. Аналогично, после 2001 года Лояя Джирга и процессы децентрализации власти стали платформами для поиска межэтнических компромиссов, хотя их эффективность ограничивалась устойчивостью патронажных сетей и внешним вмешательством.

Культурное многообразие Афганистана может рассматриваться не только как вызов, но и как капитал, способный обогатить национальную идентичность через многообразие традиций, языков и обычаяев. Как отмечает А. Суик, «инклюзивное управление многообразием предполагает трансформацию потенциальных линий раскола в источники социального капитала».

Ключевым фактором, определяющим, станет ли этническое многообразие ресурсом или препятствием, является качество институтов. Справедливое представительство, равный доступ к власти и признание культурных прав способствуют конструктивному диалогу и укреплению общегражданской солидарности. Напротив, политизация этнических различий, дискриминационные практики и монополизация власти одной группой ведут к институциональной хрупкости и утрате легитимности государства.

Таким образом, этнокультурное многообразие Афганистана представляет собой не статичную данность, а динамичную социально-политическую реальность, требующую продуманной институциональной адаптации. Формирование устойчивой национальной идентичности и государственности возможно лишь через создание инклюзивных, справедливых и гибких механизмов, позволяющих всем этническим группам участвовать в построении общей политической общности.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Abdulloev, R. (2013). Ethnic conflicts and land redistribution in Afghanistan.
- Anderson, B. (1983). Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. Verso.
- Brass, P. R. (1991). Ethnicity and nationalism: Theory and comparison. Sage Publications.
- Dupree, L. (1973). Afghanistan. Princeton University Press.
<https://archive.org/details/afghanistan0000dupr>
- Davydov, A. D. (1993). Cultural integration and national policies in the Soviet Union.
Махмадшоев, Р. Этногенез и этническая история таджиков Афганистана [Документ]. Academia.edu.
https://www.academia.edu/34662768/Махмадшоев_Р_Этногенез_и_этническая_история_таджиков_Афганистана.doc
- Reisner, L. M. (1946) К вопросу о складывании Афганской нации с.74
- Rashid, A. (2000). Taliban: Militant Islam, oil and fundamentalism in Central Asia. Yale University Press.
- Roy, O. (2002). The new Central Asia: The creation of nations. New York University Press.
- Rubin, B. R. (1995). The fragmentation of Afghanistan: State formation and collapse in the international system. Yale University Press.